

П. Знаменский

**Духовные школы в России до
реформы 1808 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П11

П11 **П. Знаменский**
Духовные школы в России до реформы 1808 года / П. Знаменский – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 812 с.

ISBN 978-5-517-90190-3

ISBN 978-5-517-90190-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Первоначальное открытіе духовныхъ школъ относится ко времени реформы Петра великаго и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ ея услугъ для православной русской церкви, дотолѣ крайне нуждавшейся въ образованныхъ кандидатахъ на церковныя должности.

Древняя Русь имѣла у себя одно лишь элементарное школьное обученіе, практиковавшееся въ приходскихъ школахъ и состоявшее въ обученіи чтенію, пѣнію и письму. Преподавателями этихъ приходскихъ школъ были или члены мѣстнаго приходскаго клира или особые, такъ называемые, мастера изъ мірянъ. И тѣ и другіе сами получали образованіе въ тѣхъ же школахъ, вслѣдствіе чего уровень школьнаго образованія постоянно оставался одинъ и тотъ же, нисколько не поднимаясь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Школы эти были, разумѣется, открытыми для всѣхъ, желавшихъ учиться, безъ различія состояній и будущихъ занятій ихъ воспитанниковъ. Если въ нихъ и замѣчается преимущественно церковный характеръ курса, то это зависѣло отъ общаго религіознаго направленія жизни самого русскаго общества, и духовными, въ смыслѣ позднѣйшемъ, т. е. имѣющими назначеніе воспитывать дѣтей „въ надежду священства“, называть ихъ нельзя. Особаго спеціальнаго приготовленія къ духовному служенію такъ и не выработала древняя Русь до послѣдняго времени. Съ одной стороны это обстоятельство имѣло хорошую сторону, под-

держивая самую близкую связь между народомъ и его пастырями, но съ другой стороны невыгодно отражалось на состояніи самаго пастырства и на развитіи религіознаго учительства духовенства. Священнослужитель стоялъ на одинаковомъ уровнѣ религіознаго знанія съ народомъ; это былъ не пастырь-руководитель своихъ пасомыхъ въ усвоеніи высокихъ истинъ вѣры, а скорѣе представитель того же религіознаго міросозерцанія, какое господствовало въ самой массѣ темнаго народа. Единственнымъ средствомъ возвыситься надъ этимъ общимъ уровнемъ народнаго религіознаго образованія для пастыря было самообразование, которое достигалось съ помощію усерднаго чтенія разныхъ божественныхъ писаній, какъ тогда назывались всѣ религіозныя книги. Человѣкъ, воспользовавшійся этимъ средствомъ, получалъ дѣйствительно громадное превосходство надъ другими, слылъ премудрымъ философомъ и имѣлъ сильный авторитетъ, вслѣдствіе чего дѣлался обыкновенно безспорнымъ кандидатомъ на всѣ высшія церковныя должности и главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ; но на самомъ дѣлѣ онъ все-таки и при этомъ оставался только начетчикомъ, превосходившимъ другихъ не широтой и глубиной своего религіознаго міросозерцанія, а лишь тѣмъ, что одинъ усвоялъ себѣ то, что въ массѣ раздѣлено было между многими. Типъ этихъ начетчиковъ слишкомъ хорошо извѣстенъ и въ настоящее время, чтобы его описывать. Въ древней Руси несостоятельность образованія этихъ мудрыхъ философовъ вполне обнаружилась во время сильнаго церковнаго движенія второй половины XVII вѣка, когда сонный застой религіозной жизни, бывшій неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вѣковой монотонности и одинаковаго, неизмѣннаго уровня древняго религіознаго образованія, былъ въ первый разъ до дна взволнованъ напоромъ внѣшнихъ просвѣтительныхъ вліяній и тревожными запросами новаго времени. Можно безъ преувеличенія сказать, что

большинство ихъ не только не поняло этого животворнаго движенія, долженствовавшаго обновить церковную жизнь, но встало противъ него съ прямымъ фанатическимъ отрицаніемъ и дошло до убѣжденія, что настало свѣтопреставленіе.

Неудовлетворительность стариннаго элементарнаго образованія приходскихъ школъ раньше всего была сознава въ югозападной Россіи подъ вліяніемъ опасной для православія борьбы съ польскимъ католичествомъ. За возвышеніе его уровня взялись братства, корпораціи болѣе широкія и сильныя, чѣмъ приходы. Они имѣли всѣ средства завести болѣе обширныя и богатѣя школы, чѣмъ прежнія приходскія, ввели въ нихъ изученіе новыхъ предметовъ и классическихъ языковъ и, что всего важнѣе, постарались поднять въ нихъ уровень образованія, поставивъ ихъ въ общеніе со школами другихъ народовъ, старѣвшихъ по образованію, посредствомъ вызова иностранныхъ учителей и посланки своихъ школяровъ для ученія за границу. Будучи вызваны къ своему существованію борьбой за православіе противъ латинства, братскія школы вступили сначала въ тѣсную связь съ Греціей, откуда и получили первыхъ заправителей школьнаго дѣла, положившихъ въ южно-русскомъ образованіи начало преобладанію греческаго элемента. Плодомъ этой связи съ Греціей было развитіе плодотворнаго по обстоятельствамъ времени и весьма популярнаго въ Россіи еллино-славянскаго образованія, которое и господствовало въ братскихъ школахъ до реформы главной изъ этихъ школъ, кievской коллегии, Петромъ Могилою. Могила, получившій западное европейское образованіе, остался недоволенъ еллино-славянскимъ направленіемъ русскихъ школъ, всталъ за другую, увлекавшую его образованность, — иезуитскую, съ ея всемірнымъ латинскимъ языкомъ и всеоружіемъ схоластики. Окруживъ себя дружиною молодыхъ, ученыхъ — такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, онъ преобразовалъ кiev-

скую братскую школу по образцу іезуитскихъ коллегій и ввелъ въ нее преобладаніе латинскаго схоластическаго элемента. Всѣ представители югозападнаго образованія и даже казаки и кіевское посольство возстали противъ него за это антинаціональное дѣло, произвели шумное и грозное волненіе; поставившее въ опасность самое существованіе новой коллегіи и жизнь ея реформаторовъ; но Могіла твердо отстоялъ свою реформу, и мало по малу латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ югозападѣ.—Не смотря на сильное развитіе въ братскихъ школахъ религіознаго интереса, поддерживаемаго постоянною борьбою съ католичествомъ, школы эти, какъ и школы приходскія, все-таки не были школами духовными. Главною цѣлю ихъ, и до и послѣ реформы кіевской коллегіи, постоянно оставалось образованіе общее, а не приготовленіе молодыхъ людей къ церковнымъ должностямъ. Это были школы всесловныя, поддерживавшіяся всѣмъ югозападнымъ обществомъ и выпускавшія своихъ питомцевъ на всѣ возможные роды службы и жизни. Число свѣтскихъ учениковъ въ нихъ всегда было даже больше, чѣмъ духовныхъ, и не только въ XVII, но даже почти до конца XVIII столѣтія.

Въ половинѣ XVII в. просвѣтительное движеніе возбудилось и въ московскомъ государствѣ. Старое приходское образованіе оказалось неудовлетворительнымъ и здѣсь; какъ раньше въ южной Руси, такъ и здѣсь явилась потребность въ новыхъ высшихъ школахъ. На югѣ заведеніе ихъ приняло на себя общество; въ Руси московской, за отсутствіемъ сильныхъ общественныхъ корпорацій, которыя могли бы соотвѣтствовать югозападнымъ братствамъ, за это дѣло взялось правительство и для выполненія его обратилось за помощью къ югозападнымъ ученымъ. Въ Москву по этому приглашенію явилась первая дружина ученыхъ иноковъ, питомцевъ прежнихъ домогилінскихъ школъ, и сдѣлалась здѣсь первою распространитель-

ницею своего еллино-славянского просвѣщенія. Но вслѣдъ за этими учеными прежняго братскаго типа явились другіе кіевскіе старцы новаго послѣмогилинскаго типа съ ихъ латинско-схоластическимъ направленіемъ и возбудили противъ себя почти такое же волненіе въ средѣ православнаго общества, и преимущественно въ средѣ московскихъ начетчиковъ, съ каковыми нѣкогда встрѣчены были латинскія нововведенія Петра Могилы въ самомъ Кіевѣ. Въ теченіе послѣдней четверти XVII столѣтія вслѣдствіе этого шли непрерывныя столкновенія и споры московскихъ ученыхъ съ югозападными пришельцами, среди которыхъ послѣдніе выказали себя съ самой невыгодной для нихъ стороны. Оказалось, что латинская образованность обошлась имъ недаромъ, что съ латинскимъ языкомъ они успѣли всосать въ себя и латинскую мысль, а съ Томой Аквинатомъ усвоить и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы.

Еллино-славянское направленіе образованія среди этихъ споровъ не потеряло своей репутаціи, сдѣлалось даже еще популярнѣе въ сравненіи съ латинскимъ; поэтому іерархія возложила на него всѣ свои надежды въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и борьбы за православіе. При типографскомъ домѣ въ 1679 г. основана была школа, въ которой велѣно было обучать греческому языку. Такъ какъ югозападные ученые были кругомъ заподозрѣны въ латинствѣ и надежда на ихъ помощь въ поддержаніи еллино-славянской науки была очень плохая, то порѣшено было войти въ ближайшее, непосредственное сношеніе съ самою Греціей. Въ типографской школѣ учителями были назначены уже греки, а въ 1682 г. для предположенной къ открытію московской академіи были вызваны изъ Греціи знаменитые братья Іоанникій и Софроній Лихуды. По пріѣздѣ въ Москву (въ 1685 г.) они начали свои курсы и академія, съ которой была соединена теперь и типографская школа, сдѣлалась центромъ еллино-славянскаго просвѣщенія и сильнымъ

противовѣсомъ противъ образованія латинскаго, шедшаго изъ Кіева. Послѣ извѣстнаго горячаго спора объ евхаристіи, взволновавшаго всю Москву, кіевскіе ученые были окончательно повинены въ латинствѣ и одинъ за другимъ должны были оставить Москву и разойтись въ разныя стороны; латинско-кіевскій источникъ образованія былъ отвергнутъ, какъ нечистый и вредный для православія; остался только другой, который происходилъ отъ православной Греціи и теперь обильно напаялъ струями Лихудовскихъ ученій юную московскую академію, единственную надежду и государства и церкви.

Но несчастная подозрительность московскихъ начетчиковъ ко всему новому едва не закрыла и этого послѣдняго источника. Подозрѣніе въ неправославіи коснулось и самихъ Лихудовъ и довело ихъ наконецъ до заточенія въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послѣ этого академія начала быстро клониться къ упадку. Еллинское ученіе, введенное въ нее Лихудами, поддерживалось въ ней еще годовъ пять, благодаря ученикамъ Лихудовъ въ родѣ Поликарпова, но въ 1699 году и Поликарповъ оставилъ академію, поступивъ въ типографскіе справщики. Въ такомъ положеніи застала дѣло русскаго школьнаго образованія реформа Петра и съ самаго же начала обратила на него свое особенное вниманіе.

Необходимо прибавить при этомъ, что и московская академія, какъ кіевская и другія югозападныя школы, тоже явилась школой не духовной, а общей, чѣмъ-то въ родѣ древнерусскаго университета. Въ учредительной грамотѣ объ ней царя 1682 г. было сказано: „благоволимъ въ царствующемъ нашемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости храмы чиномъ академіи устроить, и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, постановити; притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣ-

лость академіи, сирѣчь училищъ, составляетъ, быти“. Далѣ въ п. 5 прямо сказано: „сему нашему училищу быти общему, и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры, приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному; въ немъ всякія отъ церкви благословенныя благочестивыя науки да будутъ“. Въ такомъ видѣ, какъ заведеніе открытое для всѣхъ, академія явилась и на самомъ дѣлѣ. Когда на нее обратилъ свое вниманіе царь Петръ, онъ тоже высказывался объ ней, какъ о царской школѣ съ общимъ образованіемъ, изъ которой должны были выходить люди „во всякія potreбы,—въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовать, знати строеніе и докторское врачевское искусство“.

Слова эти были сказаны имъ въ извѣстномъ разговорѣ его съ п. Адріаномъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія по Европѣ ('). Тогда же патріархъ услышалъ отъ него важныя рѣчи, касав-

(') Ист. Петра В. Устрялова, т. III, прилож. VII, стр. 45. Въ 1 т. Лѣтописей Тихонова (за 1859 г.) помѣщена (смѣсь стр. 63 и далѣ) замѣтка г. Лыжина, въ которой отрицается подлинность этого разговора и подлогъ приписывается извѣстному кабинетъ-министру Аяны Іоанновны Волюнскому. Мы находимъ это отрицаніе болѣе проворнымъ и рѣшительнымъ, чѣмъ доказательнымъ. Тѣ выраженія и мысли разговора, которыя авторъ находитъ несовѣстными старому времени, онъ могъ бы усмотрѣть хоть даже въ приведенной грамотѣ 1682 г. объ учрежденіи академіи: тутъ есть и «знатный чинъ», и «свободныя» науки, и иностранцы-учители русскихъ дѣтей, которыми г. Лыжвинъ до крайности удивился, считая ихъ почему-то французскими гувернерами въ XVII в. Замѣтка его о состояніи академіи при Адріанѣ показываетъ только, что онъ въ томъ же воѣ Ист. Устрялова (стр. 356) не дочиталъ отзыва объ ней Курбатова, который мы приведемъ ниже. «На сіе надобно чело-вѣка не единого» сказано не о «выборѣ», а образованіи священниковъ, для чего дѣйствительно надобно не единого учителя. Послѣ всего этого обвинять Волюнского въ подложіи нѣтъ никакой надобности. Не понимая, зачѣмъ повторилъ это же очень крупное нареканіе на несчастнаго Волюнскаго авторъ подложивъ объ немъ монографіи въ Ст. ф. Нов. Род. Рос. сін., г. Корсаковъ.

шіяся уже не общаго образованія, а вчастности образованія духовенства, которое для царя тогда было особенно важно, такъ какъ онъ очень нуждался въ образованныхъ органахъ для проведенія предпринятыхъ имъ реформъ въ массу народа. „Священники ставятся, говорилъ онъ, грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно чловѣка и не единого, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быти тому. Чтобъ возымѣть промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей и къ знанію Его христіанъ православныхъ и зловѣрцевъ татаръ, мордвы и черемисы и иныхъ“. Московская академія не удовлетворяла этимъ нуждамъ церкви; въ ней, говорилъ царь, „мало которые учатся, что никто школы, какъ подобаетъ, не надзираетъ, а надобно къ тому чловѣкъ знатный въ чинѣ и во имени и въ довольствѣ потребъ ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся; и сего не обрѣтается ни отъ какихъ людей“. Какое же предпринять средство для образованія духовенства? Средство извѣстное: „и для того въ обученіе хотя бы послати колико десяти чловѣкъ въ Кіевъ въ школы, которые бы возмогли къ сему прилежать“, т. е. сдѣлаться учителями духовнаго юношества. Такъ высказана была въ первый разъ, хотя и не совсѣмъ ясно и рѣшительно, мысль объ устройствѣ особаго духовнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложено снова обратиться за наукой и въ этомъ, уже спеціально церковномъ образованіи къ тѣмъ же кіевлянамъ, которыхъ только лишь успѣли выжить изъ Москвы, какъ еретиковъ латынщиковъ.

II. Адріанъ впрочемъ не дожидъ до осуществленія мысли царя. Пока онъ былъ живъ, латинскія ученія кіевлянъ были тщательнo преслѣдуемы въ Москвѣ. Академія! тоже не поднималась изъ своего упадка. Вскорѣ по кончинѣ патріарха прибыльщикъ Курбатовъ писалъ въ своемъ донесеніи царю: „школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и подъ управленіемъ монаха Палладія (Роговскаго), въ разстройствѣ; уче-

ники, числомъ 150 человекъ, очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились“.

Послѣ смерти Адріана мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола поставленъ былъ митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій, при чемъ ему поручено было протекторство надъ московской академіей. Петръ наказалъ ему: 1) „дабы, не жалѣя имѣнія и доходовъ дому патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи Закона Божія крайне прилежалъ; 2) дабы по прошествіи малаго времени ненаученныхъ по крайней мѣрѣ катихизиса и 10 заповѣдей, не освидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ“. Какъ питомецъ кіевской академіи, Стефанъ сталъ вводить въ московской академіи кіевскіе порядки и „латинская ученія“, на что выпросилъ у государя даже особый дозволительный указъ (*). Между Кіевомъ и Москвою тотчасъ же завязались самыя тѣсныя связи; изъ кіевской академіи одинъ за другимъ вызывались въ московскую новые преподаватели наукъ, а москвичи съ своей стороны стали ѣздить для науки въ Кіевъ, и самъ царь писалъ кіевскому митрополиту Варлааму (въ 1701 г.), чтобы онъ не возбранялъ имъ доступа въ свою академію (*). Московская академія вскорѣ сдѣлалась настоящей колоніей кіевской и точной копіей своей метрополіи. Напрасно разные ревнители православія и еллино-славянскаго ученія роптали на эти новые порядки и на разливъ латинскихъ ученій; ихъ не въ состояніи былъ поддержать въ этомъ случаѣ даже голосъ одного изъ восточныхъ патріарховъ, Досіея іерусалимскаго, который горько укорялъ Яворскаго за то, что онъ „еллинское училище въ конецъ стерлъ и токмо о латинскихъ старается, поставивъ

(*) Правосл. Обзор. 1862 г. т. IX: Изъ исторіи духъ школъ, стр. 87—88.

(*) П. С. Зак. IV, № 1870.

учителей въ догматѣхъ строптивыхъ“, писалъ противъ направленія кіевскихъ ученыхъ къ самому царю и горячо доказывалъ, что еллинское ученіе несравненно превосходитъ латинскаго и что „кто предпочтетъ латинскій языкъ, есть еретикъ и отступникъ, и еще яко на латинскомъ языкѣ написана суть толикая ереси, толикая шпынства, паче же безбожества“⁽¹⁾. Мысли такого рода уже не принимались во вниманіе. Сама реформа всѣми силами своими погорачивала Россію отъ востока къ западу, отъ прежнихъ византійскихъ вліяній къ западной цивилизаціи, взросшей на латино-римской почвѣ. Борьба прежняго еллинно-славянскаго направленія съ латинскимъ тянулась впрочемъ еще долгое время. и при Петрѣ и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія первой половины XVIII в.

Мысль Петра о заведеніи особыхъ школъ для духовенства тоже начала осуществляться съ самаго начала XVIII столѣтія, благодаря особенно энергіи новыхъ іерарховъ изъ малоруссовъ, воспитанниковъ кіевской академіи, которые пользовались большимъ вниманіемъ правительства и одинъ за другимъ занимали важнѣйшіе іерархическіе посты, повсюду разнося съ собою южнорусскія школьныя преданія и направленіе. Благодаря ихъ усердной дѣятельности, школьное образованіе духовенства успѣло бѣзпечно приняться на великорусской почвѣ въ одно почти царствованіе Петра. Первые школы, основывавшіяся архіереями XVIII в., по старой памяти, были общими заведеніями, какими были всѣ прежнія приходскія и братскія школы, и не приспособлялись къ цѣлямъ духовной службы, но потомъ мало по малу при архіерейскихъ кафедрахъ стали являться исключительно сословныя духовныя школы, назначавшіяся для обу-

(1) Изъ ист. дух. школъ въ Прав. Обзор т. IX, 88—90.